

Эта боль была настолько сильной, что даже затмила страдания от удушья и утопления. Её разум погрузился в хаос, и лишь одно смутное понимание пронеслось в мыслях — она не была живой.

Она осознала не то, что её утопили и она умерла, а то, что она, Сюй Сянжу, Цзян Чэнъань и другие были созданы как марионетки, чтобы развлекать мир. У марионеток не было жизни, каждое их движение было заранее запрограммировано.

Эта мысль усилила её страдания в сотни раз.

Она также размышляла, не было ли кого-то, кто наблюдал за их жизнью и записывал всё на бумаге. Но она заметила, что время не совпадало: на бумаге были события, произошедшие спустя много лет после её смерти. Если бы кто-то наблюдал, как он мог бы предвидеть будущее?

Более того, не только она умерла, но и Цзян Чэнъань, похоже, тоже умрёт в будущем, и его смерть будет связана с ней. Но как она, уже мёртвая, могла стать причиной его гибели?

Однако Ань Тун не могла полностью принять эту идею, она казалась слишком абсурдной и невероятной. Она была живым человеком, все в деревне Фуцю были живыми, с плотью и кровью. Они никак не могли быть созданными куклами.

Кроме того, записи на бумаге были слишком расплывчатыми, они не охватывали всё, что она пережила. Некоторые события, которые она не совершала, были описаны со слов других, и только они могли знать, правда это или нет.

Чем больше Ань Тун думала, тем сильнее становилась её боль. Внезапно все странные смешки и разговоры исчезли, и раздался властный голос:

— Ань Тун!

Она почувствовала, как на неё обрушилось давление, и вспомнила рассказы стариков деревни о Янь-ване, владыке жизни и смерти смертных, который, казалось, был столь же величествен.

— Ань Тун! — Голос вновь прогремел, как гром, заставив её забыть всё, что произошло, и оставив только благоговейный трепет перед этим голосом.

— Ань Тун, ты испытываешь благоговение?

У неё ёкнуло сердце. Неужели всё это происходило из-за того, что она не верила в духов и не испытывала благоговения, и теперь её настигла кара небес?

— Благоговение... испытываю, — слова вырвались из её рта против её воли.

— Запомни свои слова сегодня. Ты можешь не верить в духов, но не оскверняй их. Ты должна испытывать благоговение, чтобы войти в колесо перерождений.

— Я запомню, — хотя в её сердце оставалось множество вопросов, она не осмелилась их задать.

— Иди!

Ань Тун растерянно воскликнула:

— Куда?

— Ты не была рождена между небом и землёй. Твоя жизнь и смерть не записаны в Книге Жизни и Смерти, и это место не примет твою душу. Откуда пришла, туда и возвращайся!

Ань Тун ещё больше запуталась: она не была рождена между небом и землёй, потому что была персонажем, созданным пером? Её жизнь и смерть не были записаны в Книге Жизни и Смерти, потому что её судьба была в руках того, кто держал перо? Но она уже умерла, куда она могла вернуться?

— Как я могу вернуться? Моя жизнь и смерть не в моих руках, не в руках небес, а в руках того, кто держит перо, ха... — Ань Тун засмеялась. Зачем ей было знать всё это? Она должна была просто умереть, как она и представляла, ничего не зная о духах и колесе перерождений.

В этот момент её тело окутало леденящее холодом, будто она погрузилась в ледяную пещеру. Когда она посмотрела вниз, её тело начало медленно исчезать.

Она вспомнила, что голос велел ей испытывать благоговение, и поспешно отбросила свои прежние мысли. После стольких странных событий она уже не могла не поверить в существование духов.

Возможно, она действительно осознала свою ошибку, потому что её тело перестало исчезать, но и не вернулось к прежнему состоянию. Она решила спросить:

— Янь-ван, ты всё ещё здесь?

В ответ её встретила лишь мёртвая тишина. Она не сдавалась и повторила вопрос несколько раз, но не только величественный голос исчез, но и бумаги, которые она держала в руках, пропали. Остались только несколько смятых листов, которые она всё ещё сжимала в руке.

Внезапно бумаги словно потянула невидимая сила, пытаясь вырвать их из её рук. В панике она не отпустила их, а сжала ещё сильнее. Сила была настолько мощной, что её потащило вперёд.

В её уме шла борьба, отпустить ли бумаги, но её рука уже разжалась, и её тело, словно падая с высоты, с грохотом ударилось о землю. Боль была такой сильной, будто её кости разобрали по частям.

— Ой...

Ань Тун действительно чувствовала боль, и её тело всё ещё было пронизано холодом. Она открыла глаза и увидела, что её нос находится всего в паре сантиметров от серого каменного пола.

Каменный пол? Ань Тун впервые заметила, что то хаотичное место также было выложено серыми каменными плитами. Но почему освещение вокруг казалось другим?

Она слегка подняла голову и увидела, что в конце ряда плит находилась стена с окном, затянутым бумагой. Яркий дневной свет проникал через бумагу, освещая всё вокруг. Под окном стояла полка, на которой лежал знакомый медный таз...

— Это место кажется знакомым! — подумала Ань Тун.

Сверху раздался глухой стук дерева, и она повернула голову, увидев ногу, свисающую с резной кровати. Она вскочила с пола, но из-за резкого движения её голова закружилась, и она чуть не потеряла сознание.

— Почему у меня так болит голова? — пробормотала Ань Тун, её разум всё ещё был в смятении.

— Сестра, почему ты спишь на полу? — с кровати высунулась голова.

Ань Тун вздрогнула и поспешно постучала себя по груди, чтобы успокоиться. Почему она стала такой пугливой после пробуждения? Придя в себя, она присмотрелась и увидела, что это лицо, сонное и нежное, принадлежало её двоюродной сестре, Ань Лань, дочери её дяди.

— Ань Лань, ты снова столкнула меня с кровати? — крикнула Ань Тун, но затем задумалась. — Снова? Почему я сказала «снова»?

Вдруг она схватила одеяло на кровати и удивилась: это была её комната? Как она вернулась сюда? Она ведь умерла? Почему она оказалась в своей комнате, и почему Ань Лань была здесь, хотя её дядя переехал в город два года назад, и они больше не спали вместе?

— Сестра, это ты плохо спишь, — сказала Ань Лань, закутавшись в одеяло и откатившись к внутренней стороне кровати.

Ань Тун не стала тратить время на неё. Она поспешно встала с пола, не обращая внимания на холод каменных плит, и босиком обошла комнату, затем вернулась к кровати и шлёпнула Ань Лань по ягодицам.

— Хлоп! — раздался звук, и Ань Лань тут же вскрикнула:

— Ай, Ань Тун, ты меня ударила?!

— Больно? — спросила Ань Тун.

— Хочешь попробовать? — Ань Лань разозлилась и замахала руками.

— Это не сон.

После того как в её сердце пронесли растерянность, удивление и радость, Ань Тун постепенно успокоилась. Её хаотичные воспоминания и мысли начали упорядочиваться.

Она опустила глаза и долго размышляла, затем разжала ладонь, в которой лежала деревянная шпилька. Это была шпилька, которую она носила с момента совершеннолетия. Позже Цзян Чэнъянь сказал, что они скоро пожениются, и носить такую шпильку было неприлично, поэтому подарил ей несколько шпилек с жемчугом и золотые шпильки, а эта деревянная исчезла.

Но теперь она снова появилась. Может, Ань Лань принесла её? Нет, она носила её много лет и помнила её форму. Её появление здесь было странным.

Но учитывая присутствие Ань Лань, она подумала, что если сейчас был третий год Чэнкан, то всё становилось логичным.

Третий год Чэнкан, ей было шестнадцать лет, и до её смерти оставалось два года.

— Сестра, почему ты проснулась и стала такой глупой? — Ань Лань всё ещё была той самой болтушкой.

Ань Тун посмотрела на окно, ей казалось, что она что-то забыла. Хотя она помнила большую часть событий после смерти, она чувствовала, что многое упустила.

Она, Ань Тун, была дочерью старосты деревни Фуцю. У неё не было старших братьев или сестёр, только дядя, брат её отца, у которого было двое сыновей и дочь, которые считались её двоюродными братьями и сестрами.

Деревня Фуцю, расположенная в богатом регионе Цзяннань, по описаниям из книг, была «живописной» и «благословенной талантами».

К сожалению, хотя она была дочерью старосты, она не была центром книги, как она считала. Центром была героиня по имени «Сяо Жу», и все события вращались вокруг неё.

<http://bllate.org/book/16381/1482314>